

ДОСТОЕВСКИЙ

ВОРЪ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НЕИЗВѢСТНАГО.

РАЗСКАЗЪ

Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 л., 7.

1883

Дорогіе друзя!

Представляемъ вамъ разсказъ Ѹедора Михайловича Достоевскаго «Честный воръ». Въ первый разъ онъ былъ опубликованъ въ 1848 году. Почти опустившійся человѣкъ, живущій за счетъ втораго лица, совершаеть кражу у своего благодѣтеля. Возникшія въ результатѣ душевныя переживанія приводятъ къ раскаянію и послѣдующей смерти вора.

Въ нашемъ изданіи приводится текстъ произведенія въ авторской орѳографії съ исправленіемъ явныхъ опечатокъ въ соотвѣтствіи съ изданіемъ разсказа отъ 1883 года ¹.

Пріятнаго вамъ прочтенія, друзья!

---

¹ Достоевскій, Ф.М. Честный воръ: Изъ записокъ неизвѣстнаго: Разсказъ Ф.М. Достоевскаго. – Санктъ-Петербургъ: типъ. М.М. Стасюлевича, 1883. – 32 с.

ЧЕСТНЫЙ ВОРЪ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НЕИЗВѢСТНАГО.

РАЗСКАЗЪ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.

Дозволено цензурою. СПб, 26 Апрѣля, 1883 года.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 л., 7
1883

Однажды утромъ, когда я уже совсѣмъ собрался идти въ должность, вошла ко мнѣ Аграфена, моя кухарка, прачка и домоводка и, къ удивленію моему, вступила со мной въ разговоръ.

До сихъ поръ это была такая молчаливая, простая баба, что, кромѣ ежедневныхъ двухъ словъ о томъ, чего приготовить къ обѣду, не сказала лѣтъ въ шесть почтили слова. По крайней мѣрѣ, я болѣе ничего не слыхалъ отъ нея.

— Вотъ я, сударь, къ вамъ, начала она вдругъ: — вы бы отдали въ наемъ каморку.

— Какую каморку?

— Да вотъ, чтѣ подлѣ кухни. Извѣстно какую.

— Зачѣмъ?

— Зачѣмъ? Затѣмъ, что пускаютъ же люди жильцовъ. Извѣстно зачѣмъ.

— Да кто ее найметъ?

— Кто найметъ! Жилецъ найметъ. Извѣстно кто.

— Да тамъ, мать моя, и кровати поставить нельзя; тѣсно будетъ. Кому-жь тамъ жить?

— Зачѣмъ тамъ жить! Только бы спать гдѣ было; а онъ на окнѣ будетъ жить.

— На какомъ окнѣ?

— Извѣстно на какомъ, будто не знаете! На томъ, что въ передней. Онъ тамъ будетъ сидѣть, шить, или что нибудь дѣлать. Пожалуй, и на стулѣ сядетъ. У него есть стулья; да и столь есть; все есть.

— Кто-жь онъ такой?

— Да хороший, бывалый человѣкъ. Я ему буду кушанье готовить. И за квартиру, за столь буду всего три рубля серебромъ въ мѣсяцъ братъ...

Наконецъ я, послѣ долгихъ усилій, узналъ, что

какой-то пожилой человѣкъ уговорилъ, или какъ-то склонилъ Аграфену пустить его въ кухню, въ жильцы и въ нахлѣбники. Чѣо Аграфенѣ пришло въ голову, тому должно было сдѣлаться; иначе, я зналъ, что она мнѣ покоя не дасть. Въ тѣхъ слuchаяхъ, когда что нибудь было не по ней, она тотчасъ же начинала задумываться, впадала въ глубокую меланхолію, и такое состояніе продолжалось недѣли двѣ или три. Въ это время портилось кушанье, не досчитывалось бѣлье, полы не были вымыты, однимъ словомъ происходило много непріятностей. Я давно замѣтилъ, что эта безсловесная женщина не въ состояніи была составить рѣшенія, установиться на какой нибудь собственно ей принадлежащей мысли. Но ужь если въ слабомъ мозгу ея какимъ нибудь случайнымъ образомъ складывалось что нибудь похожее на идею, на предпріятіе, то отказать ей въ исполненіи значило на нѣсколько времени морально убить ее. И потому, болѣе всего любя собственное спокойствіе, я тотчасъ же согласился.

— Есть ли, по крайней мѣрѣ, у него видъ какой нибудь, паспортъ или что нибудь?

— Какъ же? Извѣстно есть. Хорошій, бывалый человѣкъ; три рубля обѣщался давать.

На другой же день, въ моей скромной, холостой квартирѣ появился новый жилецъ; но я не досадовалъ, даже про себя былъ радъ. Я вообще живу уединенно, совсѣмъ затворникомъ. Знакомыхъ у меня почти никого; выхожу я рѣдко... Десять лѣтъ проживъ глухаремъ, я, конечно, привыкъ къ уединенію. Но десять, пятнадцать лѣтъ, а можетъ быть, и болѣе такого же уединенія, съ такой же Аграфеной, въ той же холостой квартирѣ, — конечно, довольно безцвѣтная

перспектива! И потому лишній, смирный человѣкъ, при такомъ порядкѣ вещей — благодать небесная!

Аграфена не солгала: мой жилецъ былъ изъ бывалыхъ людей. По паспорту оказалось, что онъ изъ отставныхъ солдатъ, о чёмъ я узналъ и не глядя на паспортъ, съ первого взгляда, по лицу. Это легко узнатъ, Астафій Ивановичъ, мой жилецъ, былъ изъ хорошихъ между своими. Зажили мы хорошо. Но всего лучше было, что Астафій Ивановичъ подъ-часть умѣлъ рассказывать исторіи, случай изъ собственной жизни. При всегдашней скучѣ моего житья-бытья, такой, рассказщикъ былъ просто кладъ. Разъ онъ мнѣ рассказалъ одну изъ такихъ исторій. Она произвела на меня нѣкоторое впечатлѣніе. Но вотъ по какому слушаю произошелъ этотъ разсказъ.

Однажды я остался въ квартирѣ одинъ: и Астафій и Аграфена разошлись по дѣламъ. Вдругъ я услышалъ изъ второй комнаты, что кто-то вошелъ и, показалось мнѣ, чужой; я вышелъ: действительно, въ передней стоялъ чужой человѣкъ, малый невысокаго роста, въ одномъ свѣртукѣ, не смотря на холодное, осеннее время.

— Чего тебѣ?

— Чиновника Александрова; здѣсь живетъ?

— Такого нѣть, братецъ; прощай.

— Какъ же дворникъ сказалъ, что здѣсь, проговорилъ посѣтитель, осторожно ретируясь къ дверямъ.

— Убирайся, убирайся, братецъ; пошелъ.

На другой день послѣ обѣда, когда Астафій Ивановичъ примѣрялъ мнѣ сюртукъ, который былъ у него въ передѣлкѣ, опять кто-то вошелъ въ переднюю. Я пріотворилъ дверь.

Вчераший господинъ, на моихъ же глазахъ, преспокойно сняль съ вѣшалки мою бекешь, сунулъ ее подъ мышку и пустился вонъ изъ квартиры. Аграфена все время смотрѣла на него разинувъ ротъ отъ удивленія и больше ничего не сдѣлала для защиты бекеши. Астафій Ивановичъ пустился вслѣдъ за мошенникомъ и черезъ десять минутъ воротился весь запыхавшись съ пустыми руками. Сгинулъ да пропалъ человѣкъ!

— Ну, неудача, Астафій Ивановичъ. Хорошо еще, что шинель намъ осталась! А то бы совсѣмъ посадилъ на мель, мошенникъ!

Но Астафія Ивановича все это такъ поразило, что я даже позабылъ о покражѣ, на него глядя. Онъ опомнился не могъ. Поминутно бросалъ работу, которую былъ занятъ, поминутно начиналъ съизнова рассказывать дѣло, какимъ это образомъ все случилось, какъ онъ стоялъ, какъ вотъ въ глазахъ, въ двухъ шагахъ, сняли бекешь, и какъ это все устроилось, что и пойматъ нельзя было. Потомъ опять садился за работу; потомъ опять бросалъ все, и я видѣлъ, какъ наконецъ пошелъ онъ къ дворнику разсказать и попрекнуть его, что на своеемъ дворѣ такимъ дѣломъ быть попускаетъ. Потомъ воротился и Аграфену началъ бранить. Потомъ опять сѣлъ за работу и долго еще бормоталъ про себя, что вотъ, какъ это все дѣло случилось, какъ онъ тутъ стоялъ, а я тамъ, и какъ вотъ въ глазахъ, въ двухъ шагахъ сняли бекешь и т.д. Однимъ словомъ, Астафій Ивановичъ, хотя дѣдо сдѣлать умѣлъ, однако былъ большой кропотунъ и хлопотунъ.

— Одурачили нась съ тобой, Астафій Иванычъ! сказалъ я ему вечеромъ, подавая ему стаканъ чая и

желая отъ скуки опять вызвать разсказъ о пропавшей бекешѣ, который отъ частаго повторенія и отъ глубокой искренности рассказчика начиналъ становиться очень комическимъ.

— Одурачили, сударь! Да просто вчужѣ досадно, зло пробираетъ, хоть и не моя одежа пропала. И по моему нѣтъ гадины хуже вора на свѣтѣ. Иной хоть задаромъ беретъ, а этотъ твой трудъ, потъ, за него пролитой, время твое у тебя крадетъ... Гадость, тьфу! Говорить не хочется, зло беретъ. Какъ это вамъ, сударь, своего добра... не жалко?

— Да, оно правда, Астафій Иванычъ; ужь лучше сгори вещь, а вору уступить досадно, не хочется.

— Да ужь чего тутъ хочется! Конечно, воръ вору розь... А былъ, сударь, со мной одинъ случай, что попалъ я и на честнаго вора.

— Какъ на честнаго? Да какой же воръ честный, Астафій Иванычъ?

— Оно, сударь, правда! Какой же воръ честный, и не бываетъ такого. Я только хотѣлъ сказать, что честный, кажется, былъ человѣкъ, а укралъ. Просто, жалко было его.

— А какъ это было, Астафій Иванычъ?

— Да было сударь, тому назадъ года два. Пришлось мнѣ тогда безъ малаго годъ быть безъ мѣста, а когда еще доживалъ я на мѣстѣ, сошелся со мной одинъ пропащій совсѣмъ человѣкъ. Такъ, въ харчевнѣ сошлись. Пьянчужка такой, потаскунъ, тунеядецъ, служилъ прежде гдѣ-то, да его за пьяную жизнь ужь давно изъ службы выключили. Такой недостойный! Ходилъ онъ ужь Богъ знаетъ въ чемъ! Иной разъ, такъ думаешь, есть-ли рубашка у него подъ шинелью; все, что ни заведется, пропьетъ. Да не буянъ;

характеромъ смиренъ, такой ласковый, добрый, и не просить, все совѣстится: ну, самъ видишь, что хочется выпить бѣднягѣ, и поднесешь. Ну, такъ-то я съ нимъ и сошелся, то есть, онъ ко мнѣ привязался... Мнѣ-то все равно. И какой былъ человѣкъ! Какъ собачонка привяжется, ты туда — и онъ за тобой; а всего одинъ разъ только видѣлись, мозглякъ такой! Сначала пусти его переночевать — ну, пустилъ; вижу и паспортъ въ порядкѣ, человѣкъ ничего! Потомъ, на другой день, тоже пусти его ночевать, а тамъ и на третій пришелъ, цѣлый день на окнѣ просидѣлъ, тоже ночевать остался. Ну, думаю, навязался-жь онъ на меня: и пой и корми его, да еще ночевать пускай — вотъ бѣдному человѣку да еще нахлѣбникъ на шею садится. А прежде онъ тоже, какъ и ко мнѣ, къ одному служащему хаживалъ, привязался къ нему, вмѣстѣ все пили: да тотъ спился и умеръ съ какого-то горя. А этого звали Емелей, Емельяномъ Ильичемъ. Думаю, думаю; какъ мнѣ съ нимъ быть?.. Прогнать его — совсѣмъ, жалко; такой жалкій, пропацій человѣкъ, что и Господи! И безсловесный такой, не проситъ, сидитъ себѣ, только какъ собачонка въ глаза тебѣ смотрить. То есть, вотъ какъ пьянство человѣка испортить! Думаю про себя: какъ скажу я ему: ступай-ка ты. Емельянушка, вонъ, нечего тебѣ дѣлать у меня; не къ тому попалъ; самому скоро, перекусить будетъ нечѣмъ, какъ же мнѣ держать тебя на своихъ харчахъ? Думаю, сижу, что онъ сдѣлаетъ, какъ я такое скажу ему? Ну, и вижу самъ про себя, какъ бы долго онъ глядѣлъ на меня, когда бы услыхалъ мою рѣчь, какъ бы долго сидѣлъ и не понималъ ни слова, какъ бы потомъ, когда въ домекъ бы взялъ, всталъ бы съ окна, взялъ бы свой узелокъ, какъ теперь вижу, клѣтчатый, красный, дырявый, въ

который Богъ знаетъ что завертывалъ и всюду съ собой носиль, какъ бы оправилъ свою шинелишку, такъ чтобы и прилично было, и тепло, да и дырьевъ было бы не видать — деликатный былъ человѣкъ! Какъ бы отворилъ потомъ дверь, да и вышелъ бы съ слезинкой на лѣстницу. Ну, не пропадать же совсѣмъ человѣку... жалко стало! А тутъ потомъ, думаю, мнѣ-то самому каково! Постой же, смекаю про себя, Емельянушка, не долго тебѣ у меня пировать; вотъ скоро съѣду, тогда не найдешь. Ну-съ, сударь, съѣхали мы; тогда еще Александръ Филимоновичъ, баринъ (теперь покойникъ, царство ему небесное), говорять: очень остаюсь тобою доволенъ, Астафій, воротимся всѣ изъ деревни, не забудемъ тебя, опять возьмемъ. А я у нихъ въ дворецкихъ проживалъ — добрый былъ баринъ, да умеръ въ томъ же году. Ну, какъ проводили мы ихъ, взялъ я свое добро, деньжонокъ кой-какихъ было, думаю, попокоюсь себѣ, да и съѣхалъ я къ одной старушоночкѣ, уголь занялъ у ней. А у ней и всего-то одинъ уголь свободный былъ. Тоже въ нянюшкахъ гдѣ-то была, такъ теперь особо жила, пенсіонъ получала. Ну, думаю, прощай теперь, Емельянушка, родной человѣкъ, не найдешь ты меня! Чтожь, сударь, думаете? Воротился я по вечеру (къ знакомому человѣку повидаться ходилъ) и первого вижу Емелю, сидитъ себѣ у меня на сундуке, и клѣтчатый узелокъ подлѣ него, сидить въ шинелишкѣ, меня поджидаеть... да отъ скуки еще книжку церковную у старухи взялъ, вверхъ ногами держитъ. Нашелъ-таки! И руки у меня опустились. Ну, думаю, нечего дѣлать, зачѣмъ сначала не гналь? Да прямо и спрашиваю: «Принесъ-ли паспортъ, Емеля?»

«Я тутъ, сударь, сѣлъ да началъ раздумывать;

что ж онъ, скитающійся человѣкъ, много-ль помѣхи мнѣ сдѣлаетъ? И вышло, по раздумыи, что немногаго будетъ стоить помѣха. Кушать ему надо, думаю. Ну, хлѣбца кусочекъ утромъ, да чтобъ приправа посмачнѣе была, такъ лучку купить. Да въ полдень ему тоже хлѣбца, да лучку дать; да повечерять тоже лучку съ квасомъ, да хлѣбца, если хлѣбца захочетъ. А навернутся щи какія нибудь, такъ мы ужъ оба по горлышко сыты. Я-то есть много неѣмъ, а пьющій человѣкъ, извѣстно, ничего неѣсть; ему бы только настоечки, да зелена винца. Доканаетъ онъ меня на питейномъ, подумалъ я, да тутъ же, сударь, и другое въ голову пришло, и вѣдь какъ забрало меня. Да такъ. что вотъ, если бъ Емеля ушелъ, такъ я бы жизни не радъ былъ... Порѣшилъ же я тогда быть ему отцомъ-благодѣтелемъ. Воздержу, думаю, его отъ злой гибели, отучу его чарочку знать! Постой же ты, думаю: ну, хорошо, Емеля, оставайся, да только держись теперь у меня, слушай команду!

«Вотъ и думаю себѣ: начну-ка я его теперь къ работѣ какой пріучать, да не вдругъ; пусть сперва погуляетъ маленько, а я, межъ тѣмъ, приглянусь, поищу, къ чему бы такому, Емеля, способность найти въ тебѣ. Потому что на всякое дѣло, сударь, напередъ всего человѣческая способность нужна. И стала я къ нему въ тихомолку приглядываться. Вижу; отчаянный ты человѣкъ, Емельянушка! Началъ я, сударь, сперва съ доброго слова: такъ и сякъ, говорю, Емельянъ Ильичъ, ты бы на себя посмотрѣлъ, да какъ нибудь тамъ пооправился.

«— Полно гулять! Смотри-ка, въ отребы весь ходишь, шинелишка-то твоя, простительно сказать, на рѣшето годится; нехорошо! Пора-бы, кажется, честь

знатъ. Сидитъ, слушаетъ меня, понуря голову, мой Емельянушка. Чего, судары! Ужь до того дошелъ, что языкъ пропилъ, слова путнаго сказать не умѣеть. Начнешь ему про огурцы, а онъ тебѣ на бобахъ откликается! Слушаетъ меня, долго слушаетъ, а потомъ и вздохнетъ. Чего-жъ ты вздыхаешь, спрашиваю, Емельянъ Ильичъ?

«— Да такъ-съ, ничего, Астафій Иванычъ, не беспокойтесь. А вотъ сегодня двѣ бабы, Астафій Иванычъ, подрались на улицѣ, одна у другой лукошко съ клюковой невзначай разсыпала.

«— Ну, такъ что жъ?

«— А другая за то ей нарочно, ея же лукошко съ клюковой разсыпала, да еще ногой давить начала.

«— Ну, такъ что жъ, Емельянъ Ильичъ?

«— Да ничего-съ, Астафій Иванычъ, я только такъ.

«— Ничего-съ, только такъ. Э-эхъ, думаю, Емеля, Емелюшка! Пропилъ-прогулялъ ты головушку!..

«— А то баринъ ассигнацію обронилъ на панели въ Гороховой, то бишь, въ Садовой. А мужикъ увидалъ, говорить, мое счастье; а тутъ другой увидалъ, говоритъ, нѣтъ, мое счастье! Я прежде твоего увидалъ...

«— Ну, Емельянъ Ильичъ.

«— И задрались мужики, Астафій Иванычъ. А городовой подошелъ, поднялъ ассигнацію и отдалъ барину, а мужиковъ обоихъ въ будку грозилъ посадить.

«— Ну, такъ что жъ? Что же тутъ такого назидательного есть, Емельянушка?

«— Да я ничего-съ. Народъ смѣялся, Астафій Иванычъ.

«— Э-эхъ, Емельянушка! Что народъ! Продалъ ты за мѣдный алтынъ свою душеньку. А знаешь-ли что,

Емельянъ Ильичъ, я скажу то тебѣ?

«— Чего-сь, Астафій Иванычъ?

«— Возьми-ка работу какую нибудь, право, возьми. Въ сотый говорю, возьми, пожалѣй себя!

«— Что же мнѣ взять такое, Астафій Иванычъ? Я ужъ и не знаю, что я такое возьму, и меня-то никто не возьметъ, Астафій Иванычъ.

«— За то-жь тебя и изъ службы изгнали, Емеля, пьющий ты человѣкъ!

«— А то вотъ Власа-буфетчика въ контору позвали сегодня, Астафій Иванычъ.

«— Зачѣмъ же, говорю, позвали его, Емельянушка?

«— А вотъ ужъ и не знаю зачѣмъ, Астафій Иванычъ. Значить, ужъ оно тамъ нужно такъ было, такъ и потребовали...

«Э-эхъ, думаю, пропали мы оба съ тобой, Емельянушка! За грѣхи наши насы Господь наказуетъ! Ну, чтѣ съ такимъ человѣкомъ дѣлать прикажете, сударь!

«Только хитрый былъ парень, куды! Слушалъ онъ, слушалъ меня, да потомъ, знать, ему надоѣло, чутъ увидитъ, что я осерчалъ, возьметъ шинелишку, да и улизнетъ — поминай какъ звали! День прошатается, придется подъ-вечеръ пьяненькой. Кто его поилъ, откуда онъ деньги бралъ, ужъ Господь его вѣдаетъ, не моя въ томъ вина виновата!..

«— Нѣтъ, говорю, Емельянъ Ильичъ, не сносить тебѣ головы! Полно пить, слышишь ты, полно! Другой разъ, коли пьяный воротишься, на лѣстницѣ будешь у меня ночевать. Не пущу!..

«Выслушавъ наказъ, сидѣть мой Емеля день, другой; на третій опять улизнуль. Жду-подожду, не

приходить! Ужь я, признаться сказать, перетрусила, да и жалко мнѣ стало. Что я сдѣлала надъ нимъ! думаю. Запугалъ я его. Ну, куда онъ пошелъ теперь, горемыка? Пропадетъ пожалуй, Господь Богъ мой! Ночь пришла, неайдеть. На утро вышелъ я въ сѣни, смотрю, а онъ въ сѣняхъ почивать изволить. На приступочку голову положилъ и лежитъ; окостенѣлъ отъ стужи совсѣмъ.

«— Что ты Емеля? Господь съ тобой! Куда ты пропалъ?

«— Да вы, энного, Астафій Иванычъ, сердились намедни, огорчаться изволили, и обѣщались въ сѣняхъ меня спать положить, такъ я, энного, и не посмѣль войти, Астафій Иванычъ, да и легъ тутъ...

«И злость и жалость взяли меня!

«— Да ты-бѣ, Емельянъ, хоть бы другую какую нибудь должность взялъ, говорю. Чего лѣстницу-то стеречь!..

«— Да какую-жь бы другую должность, Астафій Иванычъ?

«— Да хоть бы ты, пропаща ты душа, говорю (зло меня такое взяло!), хоть бы ты портняжному-то искусству повыучился. Ишь у тебя шинель-то какая! Мало что въ дыряхъ, такъ ты лѣстницу ею метешь! Взялъ бы хоть иголку да дыря-то свои законопатилъ, какъ честь велитъ. Э-эхъ, пьяный ты человѣкъ!

«Чтожь, сударь! И взялъ онъ иглу; вѣдь я ему на смѣхъ сказалъ, а онъ оробѣлъ, да и возьми. Скинула шинелишку и началъ нитку въ иглу вдѣвать. Я гляжу на него; ну, дѣло извѣстное, глаза нагноились, покраснѣли; руки трепещутъ, хоть ты-што! Совалъ, совалъ, не вдѣвается нитка: ужь онъ какъ примигивался: и помуслить-то, и посучить въ рукахъ — нѣть! Бросиль, и смотрить на меня...

«— Ну, Емеля, одолжилъ ты меня! Было-бъ при людяхъ, такъ голову срѣзаль бы! Да вѣдь я тебѣ, простому такому человѣку, на смѣхъ, въ укору сказалъ... Ужъ ступай, Богъ съ тобой, отъ грѣха! Сиди такъ, да срамнаго дѣла не дѣлай, по лѣстницамъ не ноchуй, меня не срами!..

«— Да что же мнѣ дѣлать-то, Астафій Иванычъ; я вѣдь и самъ знаю, что всегда пьяненькій и никуда не гожусь!.. Только васъ, моего бла... благодѣтеля, въ сердце ввожу понапрасну...

«Да тутъ какъ затрясутся у него вдругъ его синія губы, какъ покатилась слезинка по бѣлой щекѣ, какъ задрожала эта слезинка на его бороденкѣ небритой, да какъ зальется, прыснетъ вдругъ цѣлой пригоршней слезъ мой Емельянъ... Батюшки! Словно ножемъ мнѣ полоснуло по сердцу.

«— Эхъ ты, чувствительный человѣкъ, совсѣмъ и не думалъ я! Кто бы зналъ, кто гадалъ про то?.. Нѣть! думаю, Емеля, отступлюсь отъ тебя совсѣмъ; пропадай какъ ветошка!..

«Ну, сударь, что тутъ еще долго рассказывать! Да и вся-то вещь такая пустая, мизерная, словъ не стоить, то есть, вы, сударь, примѣрно сказать, за нее двухъ сломанныхъ грошей не дадите, а я-то бы много далъ, еслибъ у меня много было, чтобъ только всего этого не случилось! Были у меня, сударь, ретузы, прахъ ихъ возьми, хорошиe, славные ретузы, синіе съ клѣтками, а заказывалъ мнѣ ихъ помѣщикъ, который сюда прїѣзжалъ, да отступилъ потомъ, говоритъ: узки; такъ они у меня на рукахъ и остались. Думаю: цѣнная вещь! Въ Толкучемъ цѣлковыхъ пять, можетъ, дадутъ, а нѣть, такъ я изъ нихъ двое панталонъ петербургскимъ господамъ выгадаю, да еще хвостикъ

мнъ на жилетку останется. Оно бѣдному человѣку, нашему брату, знаете, все хорошо! А у Емельянушки на ту пору прилучись время сурвое, грустное. Смотрю: день не пьеть, другой не пьеть, третій — хмѣльного въ ротъ не беретъ, осовѣлъ совсѣмъ, индо жалко, сидитъ подгорюнившись. Ну, думаю: али куплева, парень, нѣтъ у тебя, аль ужь ты самъ на путь Божій вошолъ, да баста сказалъ, резону послушался. Вотъ, сударь, такъ это все и было; а на ту пору случись праздникъ большой. Я пошоль ко всенощной; прихожу — сидить мой Емеля на окошечкѣ, пьяненькій, покачивается. Э-ге! думаю, такъ-то ты, парень! Да и пошелъ зачѣмъ-то въ сундукъ. Глядь! а ретузъ-то и нѣту!.. Я туда и сюда: сгинули! Ну, какъ перерыль я все, вижу, что нѣть, — такъ меня по сердцу какъ будто скребнуло! Бросился я къ старушоночкѣ, сначала ее поклепалъ, согрѣшилъ, а на Емелю, хоть и улика была, что пьянымъ сидить человѣкъ, и домека не было! «Нѣть, говорить, моя старушонка: Господь съ тобой, кавалеръ, на что мнѣ ретузы, носить что ли стать? У меня у самой намедни юбка на добромъ человѣкѣ изъ вашего брата пропала... Ну, то есть, не знаю, не вѣдаю», говорить. — Кто здѣсь была, говорю, кто приходилъ? «Да никто, говорить, кавалеръ, не приходилъ; я все здѣсь была, Емельянъ Ильичъ выходилъ, да потомъ и пришелъ; вонъ сидитъ! Его допроси». — Не бралъ ли, Емеля, говорю, по какой нибудь надобности, ретузъ моихъ новыхъ, помнишь, еще на помѣщика строили? «Нѣть, говорить, Астафій Иванычъ, я, то есть, энтого, ихъ не бралъ-сь».

«Что за оказія! Опять искать начальъ, искалъ-искалъ — нѣть! А Емеля сидить, да покачивается. Сидѣлъ я вотъ, сударь, такъ передъ нимъ, надъ сундукомъ, на корточкахъ, да вдругъ и

накосился на него глазомъ... Эхма! думаю: да такъ вотъ у меня и зажгло сердце въ груди; даже въ краску бросило. Вдругъ и Емеля поемотрѣлъ на меня.

«— Нѣтъ, говоритъ, Астафій Иванычъ: я ретузъ-то вашихъ энтого... вы, можетъ, думаете, что того, а я ихъ не бралъ-съ.

«— Да куда же бы пропасть имъ, Емельянъ Ильичъ!

«— Нѣтъ, говоритъ, Астафій Иванычъ, не видалъ совсѣмъ.

«— Что же, Емельянъ Ильичъ, знать ужь они какъ тамъ ни есть, взяли да сами пропали?

«— Можетъ, что и сами пропали, Астафій Иванычъ.

«Я какъ выслушалъ его, какъ былъ — всталъ, подошелъ къ окну, засвѣтилъ свѣтильню, да и сѣлъ работу точать. Жилетку чиновнику, что подъ нами жилъ, передѣлывалъ. А у самого такъ вотъ и горитъ, такъ и ноетъ въ груди. То есть, легче-бъ, еслибы я всѣмъ гардеробомъ печь затопилъ. Вотъ и почуяль знать, Емеля, что меня зло схватило за сердце. Оно, сударь, коли злу человѣкъ причастенъ, такъ еще издаличуеть бѣду, словно передъ грозой птица небесная.

«— А вотъ Астафій Иванычъ, началъ Емелюшка (а у самого дрожить голосенокъ): — сегодня Антипъ Прохорычъ, фельдшеръ, на кучеровой женѣ, что померъ намедни, женился...

«Я, то есть, такъ поглядѣлъ на него, да ужь злостно, знать, поглядѣль... Понялъ Емеля. Вижу: встаетъ, подошелъ къ кровати и началъ около нея что-то пошаривать. Жду — долго возится, а самъ все приговариваетъ: «нѣтъ, какъ нѣтъ, куда бы имъ,

шельмамъ, сгинуть!» Жду, что будетъ; вижу, полѣзъ Емеля подъ кровать на kortochkakhъ. Я и не вытерпѣль.

«— Чего вы, говорю, Емельянъ Ильичъ, на kortochkakhъ-то ползаете?

«— А вотъ нѣтъ ли ретузъ, Астафій Иванычъ. Посмотрѣть, не завалились ли туда куда нибудь.

«— Да что вамъ, сударь, говорю (съ досады величать его началъ), что вамъ, сударь, за бѣднаго, простаго человѣка, какъ я, заступаться; колѣнки-то попусту ерзать!

«— Да чтожъ, Астафій Иванычъ, я ничего-съ... Оно, можетъ, какъ нибудь и найдутся, какъ поискать.

«— Гм... говорю; послушай-ка, Емельянъ Ильичъ!

«— Что, говоритъ, Астафій Иванычъ!

«— Да не ты ли, говорю, ихъ просто укралъ у меня, какъ воръ и мошенникъ, за мою хлѣбъ-соль услужилъ? — То есть, вотъ какъ, сударь, меня разобрало тѣмъ, что онъ на kolѣnkahъ передо мной началъ по полу ерзать..

«— Нѣтъ-съ... Астафій Ивановичъ...

«А самъ какъ былъ, такъ и остался подъ кроватью ничкомъ. Долго лежалъ; потомъ выползъ. Смотрю: блѣдный совсѣмъ человѣкъ, словно простиныя. Привсталъ, сѣлъ подлѣ меня на окно, этакъ минутъ съ десять сидѣлъ.

«— Нѣтъ, говоритъ, Астафій Иванычъ, да вдругъ и всталъ и подступилъ ко мнѣ, какъ теперь смотрю, страшный какъ грѣхъ:

«— Нѣтъ, говоритъ, Астафій Иванычъ, я вашихъ ретузъ, того, не изволилъ братъ...

«Самъ весь дрожитъ, себя въ грудь пальцемъ трясучимъ тыкаетъ, а голосенокъ-то дрожитъ у него

такъ, что я, сударь, самъ оробѣлъ и словно приросъ къ окну.

«— Ну, говорю, Емельянъ Ильичъ: — какъ хотите, простите, коли я, глупый человѣкъ, васъ попрекнулъ напраслиной. А ретузы пусть ихъ, знать, пропадаютъ; не пропадемъ безъ ретузъ. Руки есть, слава Богу, воровать не пойдемъ... и побираться у чужаго бѣднаго человѣка не будемъ; заработка хлѣба...

«Выслушавъ меня, Емеля постоялъ-постоялъ предо мной, смотрю — сѣль. Такъ и весь вечеръ просидѣлъ, не шелохнулся; ужъ я и ко сну отошелъ, все на томъ же мѣстѣ Емеля сидѣть. На утро только смотрю, лежитъ себѣ на голомъ полу, скрючившись въ своей шинелишкѣ; унизился больно, такъ и на кровать лечь не пришелъ. Ну, сударь, не взлюбилъ я его съ этой поры, то есть, на первыхъ дняхъ возненавидѣлъ. Точно это, примѣрно сказать, сынъ родной меня обокралъ, да обиду кровную мнѣ причинилъ. Ахъ, думаю: Емеля, Емеля! А Емеля, сударь, недѣли съ двѣ безъ просыпу пьетъ. То есть, остервенился совсѣмъ, опился. Съ утра уйдетъ, придетъ поздней ночью, и въ двѣ недѣли хоть бы слово какое я отъ него услыхалъ. То есть, вѣрно это его самого тогда горе загрызло, или извести себя какъ нибудь хотѣлъ. Наконецъ, баста, прекратилъ, знать, все пропилъ и сѣль опять на окно. Помню, сидѣлъ, молчалъ троє сутокъ; вдругъ, смотрю: плачетъ человѣкъ. То есть, сидѣть, сударь, и плачетъ, да какъ! То есть, просто колодезь, словно не слышитъ самъ, какъ слезы роняетъ. А тяжело, сударь, видѣть, когда взрослый человѣкъ, да еще старикъ-человѣкъ, какъ Емеля, съ бѣды-грусти плакать начнетъ.

«— Что ты, Емеля? говорю.

«И всего его затрясло. Такъ и вздрогнулъ. Я, то есть, первый разъ съ того времени къ нему рѣчъ обратилъ.

«— Ничего... Астафій Иванычъ.

«— Господь съ тобой, Емеля, пусть его все пропадаетъ. Чего ты такой совой сидишь? — Жалко мнѣ стало его.

«— Такъ-съ, Астафій Иванычъ, я не того-съ. Работу какую нибудь хочу взять, Астафій Иванычъ.

«— Какую же бы такую работу, Емельянъ Ильичъ?

«— Такъ, какую нибудь-съ. Можетъ должность какую найду-съ, какъ и прежде; я уже ходилъ просить къ щедосѣю Иванычу... Не хорошо мнѣ васъ обижать-съ, Астафій Иванычъ. Я, Астафій Иванычъ, какъ можетъ быть, должностъ-то найду, такъ вамъ все отдамъ и за всѣ харчи ваши вамъ вознагражденіе представлю.

«— Полно, Емеля, полно; ну, былъ грѣхъ такой, ну — и прошелъ! Прахъ его побери! Давай жить по старому!

«— Нѣтъ-съ, Астафій Иванычъ, вы, можетъ быть все того... а я вашихъ ретузъ не изволилъ брать...

«— Ну, какъ хочешь; Господь съ тобой, Емельянушка!

«— Нѣтъ-съ, Астафій Иванычъ. Я, видно, больше у васъ не жилецъ. Ужъ вы меня извините, Астафій Иванычъ.

«— Да Господь съ тобой, говорю: кто тебя, Емельянъ Ильичъ, обижаетъ, съ двора гонитъ, я, что ли?

«— Нѣтъ-съ, неприлично мнѣ такъ жить у васъ, Астафій Иванычъ... Я лучше ужъ пойду-съ...

«То есть разобидѣлся, наладилъ одно

человѣкъ. Смотрю я на него, и вправду всталъ, тащить на плечи шинелишку.

«— Да куда-жь ты, этово, Емельянъ Ильичъ? Послушай ума-разума: что ты? Куда ты пойдешь?

«— Нѣтъ ужь вы прощайте, Астафій Иванычъ, ужь не держите меня (самъ опять хнычетъ); я ужь пойду отъ грѣха, Астафій Ивановичъ. Вы ужь не такие стали теперь.

«— Да какой не такой? Такой! Да ты какъ дитя малое, неразумное, пропадешь одинъ, Емельянъ Ильичъ.

«— Нѣтъ, Астафій Иванычъ, вы вотъ какъ уходите, сундукъ теперь запираете, а я, Астафій Иванычъ, вижу и плачу... Нѣтъ, ужь вы лучше пустите меня, Астафій Иванычъ, и простите мнѣ все, чѣмъ я въ нашемъ сожительствѣ вамъ обиду нанесъ.

«Что жь сударь? И ушелъ человѣкъ. День жду, вотъ, думаю, воротится къ вечеру — нѣтъ! Другой день нѣтъ, третій — нѣтъ. Испугался я, тоска меня ворочаетъ; не пью, не ъмъ, не сплю. Обезоружилъ меня совсѣмъ человѣкъ! Пошелъ я на четвертый день ходить, во всѣ кабачки заглядывалъ, спрашивалъ — нѣтъ, пропалъ Емельянушка! «Ужь сносиль ли ты свою голову побѣдную?» — думаю. «Можетъ издохъ гдѣ у забора пьяненъкій, и теперь какъ бревно гнилое лежишь». Ни живъ, ни мертвъ я домой воротился. На другой день тоже искать положилъ. И самъ себя проклинаю, зачѣмъ я тому попустилъ, чтобы глупый человѣкъ на свою волю ушелъ отъ меня. Только смотрю: чѣмъ свѣтъ, на пятый день (праздникъ былъ) скрипитъ дверь. Вижу: входитъ Емеля: синій такой и волосы всѣ въ грязи, словно спаль на улицѣ, исхудалъ весь, какъ лучина; снялъ шинелишку, сѣлъ ко мнѣ на

сундукъ, глядитъ на меня. Обрадовался я, да пуще прежняго тоска въ моей душѣ принялась. Оно вотъ какъ, сударь, выходитъ: случись, то есть, надо мнай такой грѣхъ человѣческій, такъ я, право слово, говорю: скорѣй какъ собака издохъ бы, а не пришелъ. А Емеля пришелъ. Ну, натурально, тяжело человѣка въ такомъ положеніи видѣть. Началь я его лелѣять, ласкать, утѣшать. Ну, говорю, Емельянушка, радъ, что ты воротился. Опоздалъ бы маленько придти, я бы и сегодня пошелъ по кабачкамъ тебѣ промышлять. Кушалъ ли ты?

«— Кушалъ-сь, Астафій Иванычъ.

«— Полно, кушалъ-ли? Вотъ, братецъ, щецъ вчерашнихъ маленько осталось; на говядинѣ были, не пустыя; а вотъ и лучку съ хлѣбомъ. Покушай, говорю: оно на здоровье не лишнее.

«Подалъ я ему; ну, тутъ и увидалъ, что можетъ, три дня цѣдыхъ не ъль человѣкъ — такой, аппетитъ оказался. Это, значитъ, его голодъ ко мнѣ пригналъ. Разголубился я на него глядя, сердечнаго. Сѣмъ-ка я думаю, въ штофную сбѣгаю. Принесу ему отвести душу, да и покончимъ, полно! Нѣтъ у меня больше на тебя злобы, Емельянушка! Принесъ винца. Вотъ, говорю, Емельянъ Ильичъ, выпьемъ для праздника. Хочешь выпить? Оно здорово.

«Протянулъ-было онъ руку, этакъ жадно протянулъ, ужъ взялъ было, да остановился; подождалъ маленько; смотрю: взялъ, несетъ ко рту, плескаетъ у него винцо на рукавъ. Нѣтъ, донесъ ко рту, да тотчасъ и поставилъ на столъ.

«— Чтожь, Емельянушка?

«— Да нѣтъ; я того... Астафій Иванычъ.

«— Не выпьешь, что-ли?

«— Да я, Астафій Иванычъ, такъ ужъ... не буду больше пить, Астафій Иванычъ.

«— Что жъ, ты совсѣмъ перестать собрался Емелюшка, или только сегодня не будешь?

«Промолчаль. Смотрю: черезъ минуту положилъ на руку голову. Что ты, ужъ не заболѣлъ-ли, Емеля?

«— Да такъ, нездоровится, Астафій Иванычъ.

«Взялъ я его и положилъ на постель. Смотрю, и вправду худо: голова горитъ, а самого трясеть лихорадкой. Посидѣлъ я день надъ нимъ; къ ночи хуже. Я ему квасу съ масломъ и съ лукомъ смѣшалъ, хлѣбца подсыпалъ. Ну, говорю: тюри покушай, авось будетъ лучше! Мотаетъ головой. — «Нѣтъ, говорить, я ужъ сегодня обѣдать не буду, Астафій Ивановичъ». Чаю ему приготовилъ, старушоночку замоталъ совсѣмъ — нѣтъ ничего лучше. Ну, думаю, плохо! Пошелъ я на третье утро къ врачу. У меня тутъ медикъ Костоправовъ знакомый жиль. Еще прежде, когда я у Босомягинахъ господъ находился, познакомились; лечилъ онъ меня. Пришелъ медикъ, посмотрѣлъ; — да нѣтъ, говорить, оно плохо. Нечего было, говорить, и посыпать за мной. А, пожалуй, дать ему порошковъ. Ну, порошковъ-то я не даль; такъ, думаю, балуется медикъ; а между тѣмъ наступилъ пятый день.

«Лежалъ онъ, сударь, передо мной, кончался. Я сидѣлъ на окнѣ, работу въ рукахъ держалъ. Старушоночка печку топила. Всѣ молчимъ. У меня, сударь, сердце по немъ, забулдыгѣ, разрывается; точно это я сына роднаго хороню. Знаю, что Емеля теперь на меня смотрить, еще съ утра видѣлъ, что крѣпитсѧ человѣкъ, сказать что-то хочетъ, да, какъ видно, не смѣетъ. Наконецъ, взглянулъ на него; вижу: тоска

такая въ глазахъ у бѣдняги, съ меня глазъ не сводить; а увидалъ, что я гляжу на него, тотчасъ потупился.

«— Астафій Иванычъ!

«— Что, Емелюшка?

«— А вотъ, еслибъ, примѣромъ, мою шинеленочку въ Толкучій снести, такъ много-ль за нее дали бы, Астафій Иванычъ?

«— Ну, говорю, невѣдомо много ли дали бы. Можетъ и трехрублевый бы дали, Емельянъ Ильичъ.

«А поди-ка, понеси, въ самомъ дѣлѣ, такъ и ничего бы не дали, кромѣ того, что насмѣялись бы тебѣ въ глаза, что такую, злостную вещь продаешь. Такъ только ему, человѣку Божію, зная норовъ его простоватый, въ утѣху сказалъ.

«— А я-то думалъ, Астафій Иванычъ, что три рубля серебромъ за нее положили бы; она вещь суконная, Астафій Иванычъ. Какъ же трехрублевый, коли суконная вещь?

«— Не знаю, говорю, Емельянъ Ильичъ; коль нести хочешь, такъ, конечно, три рубля нужно будетъ съ первого слова просить.

«Помолчалъ немного Емеля; потомъ опять окликаетъ.

«— Астафій Иванычъ!

«— Что, спрашиваю, Емельянушка?

«— Вы продайте шинеленочку-то, какъ я помру, а меня въ ней не хороните. Я и такъ полежу: а она вещь цѣнная; вамъ пригодиться можетъ.

«Тутъ у меня такъ, сударь, защемило сердце, что и сказать нельзя. Вижу, что тоска предсмертная къ человѣку подступаетъ. Опять замолчали. Этакъ часъ прошло времени. Посмотрѣлъ я на него съизнова: все на меня смотрѣть, а какъ встрѣтился взглядомъ со

мной, опять потупился.

«— Не хотите-ли, говорю, водицы испить,
Емельянъ Ильичъ?

«— Дайте, Господь съ вами, Астафій Иванычъ.

«Подалъ я ему испить. Отпилъ. —
Благодарствую, говорить, Астафій Иванычъ.

«— Не надо ль еще чего, Емельянушка?

«— Нѣтъ, Астафій Иванычъ; ничего не надо; а я
того...

«— Что?

«— Энтого...

«— Чего такого, Емелюшка?

«— Ретузы-то... энтого... это я ихъ взялъ у васъ
тогда... Астафій Иванычъ...

«— Ну, Господь, говорю, тебя простить,
Емельянушка, горемыка ты такой, сякой, этакой!
Отходи съ миромъ... А у самого, сударь, духъ захватило,
и слезы изъ глазъ посыпались; отвернулся было я на
минуту.

«— Астафій Иванычъ...

«Смотрю: хочетъ Емеля мнѣ что-то сказать;
самъ приподнимается, силится, губами шевелить...
Весь вдругъ покраснѣлъ, смотрить на меня... Вдругъ
вижу; опять блѣднѣеть, блѣднѣеть, опалъ совсѣмъ во
мгновеніе, голову назадъ закинулъ, дохнулъ разъ, да
тутъ и Богу душу отдалъ».....

.....

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Издание данной книги осуществляется при поддержкѣ Благотворительного фонда возстановленія церкви Святой Живоначальной Троицы съ часовней въ Язвищахъ (<http://xram-v-yazvichax.ru>), занимающагося реставраціей храма, расположенного въ селѣ Язвищи Боровёнковскаго сельскаго поселенія Окуловскаго района Новгородской области.

Данный топонимъ образованъ отъ слова «язвина», однимъ изъ значеній котораго въ старославянскомъ языкѣ является слово «нора». Недалеко отъ села протекаетъ рѣка Язовка, изрытая лисьими норами, давшая ему наименованіе.

Одно изъ первыхъ упоминаній о селѣ можно встрѣтить въ Переписной оброчной книгѣ Деревской пятины отъ 1495 года. Уже тогда тамъ проживали десятки человѣкъ.

Шли вѣка... Смѣнялись поколѣнія... Въ началѣ XX вѣка въ Язвищахъ проживали около 40 человѣкъ, что, можетъ быть, и немногіо, т.к. это была церковная земля, зато въ близлежащихъ деревняхъ – около 700 человѣкъ.

Жили люди, перестраивались и церкви, постоянно находившіяся въ селѣ. Такъ, въ 1891 году на мѣстѣ старой деревянной церкви былъ выстроенъ каменный храмъ Святой Живоначальной Троицы, возлѣ котораго расположилась богадѣльня, другія постройки. Рядомъ проживали и священнослужители.

Но прошло чутъ менѣе трёхъ десятилѣтій, и храмъ сталъ не нуженъ. Окончательно онъ закрылся въ 1937 году. Потихонечку исчезали люди. Война, лагеря, очень многіе разъѣхались въ города... Умерло и село Язвищи, которое было снято съ регистраціи въ 1977 году. Вмѣстѣ съ нимъ

умерли ещё десятки подобныхъ сёль и деревень.

Сейчасъ въ близлежащихъ къ храму деревняхъ вмѣсто семисоть человѣкъ, о чёмъ сказано выше, проживаетъ около тридцати. Лишь лѣтомъ съѣзжаются дачники и мѣстность какъ-то оживаетъ.

Въ Язвищахъ остался только одинъ домъ, въ которомъ проживали священнослужители, да и тотъ давно непригоденъ для жилья.

А храмъ стоить – поруганный, осквернённый, но величественный – и ждётъ...

Почему такое произошло? Какъ вернуть въ тѣ прекрасныя мѣста людей, Жизнь? На эти вопросы есть много предположеній, но мы считаемъ, что сначала надо приступить къ реставраціи храма. И затѣмъ всё вернётся, т.к. въ тѣхъ мѣстахъ появится вѣра, безъ которой не можетъ жить ни теистъ, ни атеистъ.

Съ 2011 года мы начали реставрировать нашъ храмъ. За это время вынесли мусоръ, застелили временные полы, закрыли плёнкой окна. Ввиду того что зданіе церкви является памятникомъ архитектуры, приступили къ разработкѣ научно-проектной документаціи.

Если Вы имѣете возможность помочь намъ въ дѣлѣ возстановленія храма, то просимъ Васъ перечислить посильное пожертвованіе на реквизиты нашего фонда:

Расчтный счтъ получателя: 40703810655100000343 въ

Сѣверо-Западномъ банкѣ ПАО «Сбербанкъ Россіи»,

Санктъ-Петербургъ.

ИНН получателя: 7816290748.

Получатель: Фондъ возстановленія церкви Святой Троицы
въ Язвищахъ.

Счтъ Банка получателя: 30101810500000000653.

БИК Банка получателя: 044030653.

Назначеніе платежа: Благотворительное пожертвованіе.

Съ вопросами Вы можете обращаться по телефону
(921)33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный
адресъ lavrovoa@mail.ru.

Благодаримъ Васъ за поддержку, Друзья!

Поддержать насъ можно черезъ мобильное приложение вашего банка воспользовавшись QR-кодомъ (достаточно указать Ф.И.О. и сумму пожертвованія). Въ этомъ случаѣ средства поступятъ на расчетный счетъ.

Съ вопросами Вы можете обращаться по телефону (921) 33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адресъ lavrovoa@mail.ru.

Благодаримъ васъ за поддержку, друзья!

КНИГИ ВЪ ДОРЕФОРМЕННОЙ ОРӨОГРАФИИ

Представляемъ вамъ книги классиковъ русской литературы, исполненные въ авторской (дореформенной) орографіи. Изданія являются хорошимъ подаркомъ для цѣнителей русского языка.

Доступны на [ozon.ru](#)

Приобрѣти книги вы можете перейдя по адресу: <https://pravopisanie.xgram-v-yazyicakh.ru>, а также въ Интернетъ-магазинъ OZON.

A QR code located on the right side of the advertisement, which links to the website where the books can be purchased.

Человѣка, доброхотно дающаго, любить Богъ, и недостатокъ дѣлъ его восполнить

[Книга Притчей Соломоновыхъ 22:8]